

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ»

Б. И. Джинджолия

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX–XX ВЕКОВ

Учебное электронное текстовое издание
Подготовлено кафедрой философии
Научный редактор: доц., к. филос. н. Н. П. Коновалова

Методические указания к самостоятельной работе с философскими текстами для студентов всех форм обучения всех специальностей.

Представлены фрагменты из произведений четырех выдающихся восточных мыслителей конца XIX и XX веков: С. Вивекананды, Д.Т. Судзуки, Дж. Кришнамурти и М. Икбала. К фрагментам составлены вопросы и даются задания, которые должны способствовать лучшему пониманию студентом изучаемого материала и самостоятельному его осмыслению. Пособие предназначено для самостоятельной работы студентов при углубленном изучении курса философии.

© ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2006

Екатеринбург
2006

Введение

Восточная философия – важнейшая составляющая мировой философии, обладающая значительным историческим, содержательным и идейным своеобразием. Ее современный этап (конец 19-го – 20 век) знаменует окончание чрезвычайно затянувшегося философского средневековья. Начало нового этапа было вызвано, скорее, не внутренней духовной эволюцией, а внешним влиянием колониальным вторжением с Запада. В философии, как выразительнице духовной сути эпохи, встреча с западной цивилизацией породила разнообразные идейные тенденции: переосмысление собственной духовно-интеллектуальной традиции или сомнение в ее ценности и полный, радикальный отказ от нее; резкую критику западного духовного влияния, самого западного образа мышления или всецелое приятие и восхваление всего западного, в особенности, рационализма; имели место и синтетические тенденции – традиционный духовный фундамент дополнялся усвоением ценных элементов западной мысли.

Вышеизложенное обусловило наш выбор персоналий: все они не просто представляют восточную мысль 19-20 веков, а являются ее открывателями для западной аудитории. В их работах восточная традиция обращается и ведет диалог с западной, пытаясь понять и ее, и себя.

*

При работе с текстами студентам необходимо, прежде всего, понять и уметь сформулировать главную, ключевую идею мыслителя, изложенную в каждом фрагменте изучаемого текста. Данное указание требует особенного внимания в силу специфической несистемности восточной мысли, усиленной тем фактом, что представленные здесь мыслители не являются профессиональными философами в современном западном понимании.

Студент должен попытаться обнаружить и раскрыть в изучаемых текстах истоки и связь современной восточной мысли с древневосточной традицией – индуизмом в случае с Вивеканандой, индуизмом и буддизмом у Кришнамурти, буддизмом в случае с Судзуки – и средневековой исламской традицией в случае с Икбалом.

Студенту необходимо определить, к какому течению современной западной философии наиболее близок тот или иной восточный мыслитель, какие идейные параллели прослеживаются в сравнении его учения с концепциями ведущих представителей русской религиозной мысли.

При наличии достаточного времени, как, например, в случае выполнения домашнего задания, студент должен определить то общее, что объединяет всех представленных в данном пособии восточных мыслителей, равно как и обнаружить специфические отличия в их взглядах.

Свами Вивекананда (Нарендрнатх Датта) (1863-1902) – индийский мыслитель, религиозный реформатор и общественный деятель, ученик выдающегося мистика Рамакришны (1836-1886).

Духовное единство всех религий и обращение к духовно-религиозному опыту было для Вивекананды единственным средством выхода из кризиса современного человечества. Хорошо знакомый с западноевропейской культурой, Вивекананда в понятиях ее философии излагал ключевые идеи веданты - самой влиятельной индийской религиозно-философской системы.

Тексты приводятся из сборника работ Вивекананды «Философия йога» [3]¹.

Идеал Карма-йога

Величайшая идея в религии Веданты состоит в том, что мы можем достигнуть цели различными путями. Пути эти можно разделить на четыре категории - путь труда², путь любви, путь изучения себя и путь изучения мира. Но не следует вместе с тем забывать, что эти подразделения резко не разграничены и не исключают друг друга, нередко сливаясь между собой. Мы даем им название, сообразуясь с преобладающим в каждом из них типом, что вовсе не значит, что нельзя найти человека, не способного ни на что другое, кроме работы, или молитвы, или знания. В конце концов, все пути сходятся, соединяясь воедино. Все религии и все методы служения и работы приводят нас к одной и той же цели.

Я уже пытался очертить эту цель. Это - свобода, насколько мы ее понимаем. Все, что мы видим вокруг себя, стремится к свободе, от атома до человека, от бесчувственной, безжизненной частицы материи до высшего существа на земле, до человеческой души. Вся Вселенная является результатом этой борьбы за свободу. [...] Свобода есть единственная цель всей природы, как чувствующей, так и лишенной чувства; и сознательно ли или бессознательно, все стремится к этой цели. [...]

Всякая религия содержит в себе выражение этого стремления к свободе. Оно составляет основу нравственности и бескорыстия, знаменующих собой отрешение от представления о тождественности человека и его ничтожного тела. Когда человек делает добро, помогает другим, он тем доказывает, что не может удовлетвориться тесным кругом "меня и моего". Этому освобождению от эгоизма нет границ. Все великие этические системы проповедуют абсолютное бескорыстие как цель. Предположим теперь, что это абсолютное бескорыстие достигнуто человеком; что же с ним тогда происходит? Отныне он уж не отдельная ничтожная личность; он расширился, распространился до бесконечности; его мелкая личность, которой он до тех пор обладал, исчезла навеки. Он стал безграничен; и достижение этого бесконечного распространения является истинной целью всех религий и всех нравственных и философских систем. Индиви-

¹ Здесь и далее цифры в квадратных скобках обозначают порядковый номер источника в библиографическом списке и номера страниц.

² Под карма-йогой Вивекананда понимает именно путь труда; напомним, что йога, в широком смысле, в индийской культуре - это путь духовного развития, а не изоощренные физические упражнения

дуалист испугается, познакомившись с философским изложением этой мысли. Вместе с тем, настаивая на необходимости нравственности, он сам проповедует ту же идею. Он не ставит границ бескорыстию человека. Как отличим мы человека, ставшего совершенно бескорыстным при индивидуалистической системе, от человека, достигшего совершенства по другим линиям? В обоих случаях он слился воедино со Вселенной, а это и есть цель всего; лишь плохой индивидуалист не имеет мужества довести собственные свои рассуждения до конечных выводов. Карма-Йога есть достижение через бескорыстную работу той свободы, которая составляет цель человеческой природы. В силу этого каждый эгоистический поступок задерживает достижение этой цели и каждое бескорыстное действие приближает нас к ней; поэтому единственным определением нравственности могут быть следующие слова: «То, что эгоистично - безнравственно: то, что бескорыстно – нравственно».

Но если обратиться к подробностям, то дело оказывается не столь простым. Окружающие обстоятельства изменяют и детали, как я указывал выше. Один и тот же поступок при одних условиях бескорыстен, при других эгоистичен. Поэтому мы можем дать лишь общее определение и предоставить подробностям обрисовываться в каждом отдельном случае в связи с особенностями времени, места и условий. В одной стране одно поведение считается нравственным, в другой - оно безнравственно, в силу того, что условия различны. Цель всей природы - свобода, а свобода может быть достигнута лишь посредством полного бескорыстия: каждая бескорыстная мысль, каждый бескорыстный поступок, каждое бескорыстное слово приближают нас к цели и потому считаются нравственными. Это определение приемлемо для всякой религии, для всякой этической системы. [...]

Следовательно, Карма-Йога представляет систему этики и религии, имеющую целью достижение свободы посредством бескорыстия и добрых дел. Карма-йог может не верить ни в какую доктрину. Он может не верить даже в Бога, может не вопрошать, что такое душа, и не думать ни о каких метафизических умозаключениях. Он имеет своей специальной целью осуществление бескорыстия, и ему приходится самому вырабатывать пути, ведущие к этой цели. Каждая минута его жизни должна превратиться в осуществление, ввиду того, что ему приходится разрешить одним только трудом, без помощи доктрины, ту же проблему, к которой Джнани прикладывает свой разум и вдохновение, а Бхакта³ - свою любовь.

Теперь возникает следующий вопрос. Что такое работа? Что такое оказание помощи миру? Можем ли мы вообще помочь миру? В абсолютном смысле - нет; в относительном смысле - да. Миру нельзя сделать постоянное или вечно пребывающее добро: если бы это было возможно, то мир перестал бы быть нашим настоящим миром. Мы можем утолить голод на известное время, но затем человек снова захочет есть. Каждое удовольствие, доставляемое нами человеку, имеет значение только на мгновение. Никто не может радикально изменить

³ Джнани – идущий путем знания, бхакта – идущий путем любви.

вечно перемежающуюся лихорадку радости и страдания. Поэтому можно ли говорить о вечном счастье для мира? [...]

Общий итог страданий и радостей на земле останется всегда неизменным, мы лишь перемещаем его с места на место, но он от того не увеличивается и не уменьшается. Этот прилив и отлив, подъем и падение присущи самой природе мира; думать иначе столь же нелогично, как представлять себе жизнь без смерти. Это совершенная нелепость ввиду того, что сама идея жизни подразумевает смерть, и сама идея радости подразумевает страдание. Светильник беспрестанно выгорает, и в этом состоит жизнь. Если вы хотите приобрести жизнь, вы должны каждую минуту умирать за нее. Жизнь и смерть составляют только различные выражения одного и того же явления, рассматриваемого с различных точек зрения: они представляют подъем и падение одной и той же волны и образуют одно целое. Один человек смотрит на аспект падения и становится пессимистом; другой смотрит на аспект подъема и становится оптимистом. Когда мальчик ходит в школу, и отец и мать заботятся о нем, ему все кажется прекрасным; потребности его просты: он большой оптимист. Но старик, с его разнообразным опытом, становится спокойнее, и пыл его несомненно охладевает. Так, старые нации, показывающие признаки вырождения, менее оптимистичны, чем молодые народы. Одна индусская пословица говорит: "Тысяча лет - город, тысяча лет - лес". Это превращение города в лес и обратно происходит всюду, делая людей пессимистами и оптимистами, сообразно с той стороной явления, которая к ним обращена. [...]

Хотя бы Вселенная жила вечно, наша цель - свобода: наша цель бескорыстие, и, согласно Карма-Йоге, этой цели можно достигнуть работой. Все мысли о водворении полного счастья на земле прекрасны как побудительные мотивы фанатиков: но мы должны понять, что фанатизм приносит столько же пользы, сколько и вреда. Карма-йог недоумевает: зачем нужны другие побуждения к работе, кроме врожденной любви к свободе? Возвысьтесь над обыденными житейскими мотивами. "Вы имеете право на труд, а не на плоды его". - "Человек может воспитывать себя в понимании и осуществлении этой идеи", - говорит Карма-йог. Когда мысль о добре станет частью его природы, он не будет искать внешних побуждений к добру. Будем делать добро, потому что хорошо делать добро. "Кто делает хорошие дела, хотя бы для того, чтобы попасть на небо, связывает себя", - говорит Карма-йог. Всякий труд, исполненный с малейшим эгоистичным мотивом, вместо того чтобы освободить нас, кует нам новую цепь.

Итак, единственный путь состоит в том, чтобы отказаться от плодов работы, отрешиться от них. Знайте, что мир - не мы, и мы - не мир, что мы - не Тело: что мы в действительности не работаем. Мы - наше высшее "Я". - вечно пребываем в мире и покое. Зачем нам связывать себя чем бы то ни было? Каждое бескорыстное дело, совершенное нами, вместо того, чтобы выковать новую цепь, разорвет одно звено в оковах, которые уже существуют. Каждая добрая мысль, посылаемая нами в мир без помысла о награде, разорвет одно звено цепи и будет все больше и больше очищать нас, пока мы не станем чистейшими из

смертных. Однако все это может показаться слишком восторженно философским, слишком теоретическим и имеющим мало практического значения. Я читал немало возражений против Бхагавадгиты, и многие из возражавших утверждали, что без побуждений нельзя работать. Авторы их, по-видимому, не видели бескорыстной работы, совершенной не под влиянием фанатизма. [...]

Лучше всего работает тот, кто работает без всякого личного мотива, - не из-за денег, не из-за славы, не из-за чего-либо другого. И, когда человек может работать так, без всякого пристрастия, он становится Буддой, и из него исходит такая сила труда, которая может изменить весь мир. Такой человек представляет собой высший идеал Карма-Йоги.

[3, с. 72-80].

Треугольник любви

Мы можем представить любовь в виде треугольника, каждый угол которого соответствует одному из неотделимых от любви ее свойств. Не может быть треугольник без трех углов и не может быть истинной любви без трех следующих свойств. Первый угол треугольника любви то, что **любовь не торгуется** [выделено здесь и далее автором – Б.Д.]. Где есть желание получить что-нибудь взамен, там не может быть настоящей любви; она становится простою торговлею. Пока в нас есть какая-либо мысль получить от Бога ту или другую милость взамен нашего почитания Его и преданности Ему, до тех пор не может быть никакой любви в нашем сердце. Те, кто поклоняются Богу, потому что хотят, чтобы Он даровал им милости, наверно не будут поклоняться Ему, если эти милости не получатся. Бхакта любит Бога, потому что любит. Нет другой причины, порождающей и направляющей это божественное чувство истинно набожного. [...] Поклоняться Богу ради какой-нибудь награды, даже ради спасения, - значит унижать высокий идеал любви. Любовь не знает никакой награды. Любовь бывает всегда только ради любви. Бхакта любит потому, что не может не любить. Когда вы видите прекрасный вид и любуетесь им, вы не требуете от вида никакой награды, и он ничего не требует от вас. Но, глядя на него, вы приходите в блаженное настроение, смягчающее тревоги вашей души. Он почти возвышает вас временно над вашею смертною природою и приводит в состояние спокойного, божественного экстаза. Такова природа настоящей любви, и это первый угол нашего треугольника. Не просите ничего взамен вашей любви. Давайте вашу любовь Богу; но не просите за нее ничего, даже от Него.

Второй угол треугольника любви - то, что **любовь не знает страха**. Те, кто любит Бога из страха, - самые низкие из человеческих существ; они недоразвились до состояния человека. Они молятся Богу из страха наказания. Для них Он великое Существо с кнутом в одной руке и скипетром в другой, и они боятся, что если не будут повиноваться ему, то подвергнутся бичеванию. Поклоняться Богу из страха наказания - разврат. Такое поклонение, - если его можно так назвать, - самая грубая форма поклонения Богу Любви. Пока в сердце есть сколько-нибудь страха, как может быть там любовь? Любовь побеждает всякий страх. Представьте себе на улице молодую мать. Если на нее залает собака, она испугается и бросится в ближайший дом. Но вообразите, что та же мать на ули-

це с ребенком, и лев бросается на ребенка. Где окажется в таком случае мать? Несомненно, перед пастью льва, чтобы спасти свое дитя. /Любовь побеждает всякий страх. Страх является от эгоистичной мысли об отделении себя от природы. Чем ничтожнее я себя считаю и чем больший я эгоист, тем больше мой страх. Когда человек считает себя маленьким и ничтожным, страх обязательно нападает на него. А чем вы меньше думаете о себе, как о незначительной личности, тем у вас меньше будет страха. Пока в вас есть искра страха, любви у вас быть не может; любовь и страх несовместимы. Бога никогда не боятся те, кто любит Его. [...]

Третий угол треугольника любви то, что **любовь не знает соперника**, потому что в ней всегда воплощается высший идеал любящего. Истинной любви никогда не бывает, пока предмет нашей любви не стал для нас нашим высшим идеалом. Часто случается, что человеческая любовь дурно направлена и помещена, но для того, кто любит, предмет его любви всегда его высший идеал. Один человек может видеть свой идеал в самом низком существе, другой - в самом высоком, и тем не менее обоими может быть истинно и сильно любим только его идеал. Высочайший идеал всякого человека - Бог. Для невежды и мудреца, святого и грешника, образованного и необразованного, воспитанного и невоспитанного, - для всех людей высший идеал - его Бог. Совокупность всех высших идеалов красоты, величия и силы дает нам полное понятие о любящем и любимом Боге. Эти идеалы существуют в каждом уме, в той или другой форме, и составляют части и совокупность частей всех наших умов. Все активные проявления человеческой природы, которые мы видим в окружающем нас обществе, производятся в разных душах разными идеалами, стремящимися обнаружиться и стать конкретными, потому что все, находящееся внутри, стремится выйти наружу. Это вечно господствующее влияние идеала есть сила, одна из побудительных причин, которую постоянно молено видеть действующею в человечестве. Может быть, только после сотен рождений, после борьбы в течение тысячелетий человек увидит, что напрасно стараться свой внутренний идеал приспособлять к внешним условиям и сообразовать с ними; но, придя к такому заключению, он не будет больше пытаться проводить свой идеал во внешнем мире, а станет поклоняться самому идеалу, как идеалу с точки зрения высшей любви.

[...]

Что составляет идеал любящего, который совсем отрешился от всякой мысли об эгоизме, мене и торговле и не знает страха? [...] Высший идеал такого человека не имеет в себе ничего узкого, ничего частного. Это всеобщая любовь, любовь без границ и оков, сама любовь, совершенная и безусловная. Великому идеалу религии любви поклоняются абсолютно, как таковому, без помощи каких-либо символов или побуждений. Высшая форма Бхакти есть поклонение всеми признанному идеалу как своему собственному, избранному самим собою: прочие формы Бхакти - только ступени на пути к достижению этой высшей. Все наши неудачи и успехи в исполнении требований религии любви лежат на пути к осуществлению этого одного идеала. Бхакта берет один предмет

за другим и в каждый из них последовательно воплощает свой внутренний идеал. При этом он видит, что все они не могут быть представителями его всеобъемлющего внутреннего идеала, и один за другим отбрасывает их. [...]

Говорят, что эгоизм единственная побудительная причина всей человеческой деятельности. По моему же мнению, побуждением к этой деятельности служит тоже любовь, только ослабленная разменом на частности. Когда я думаю о себе, как о части всеобщего целого и люблю это целое, моя любовь становится всеобщей, и во мне наверно не останется ни малейшего эгоизма. Но когда я ошибочно считаю себя чем-то маленьким, отдельным от Целого, моя любовь останавливается на частностях и суживается.

Большая ошибка - суживать и сокращать область любви, потому что все во Вселенной божественного происхождения и заслуживает того, чтобы быть любимым. Следует, однако, помнить, что любовь ко всему заключает в себе любовь к частям. Это всеобщее Целое есть Бог бхакт, а все другие Боги - Небесные Отцы, Вседержители, Творцы - и все теории, и учения, и книги не имеют для них никакого значения и смысла, так как они своею высшею любовью и преданностью совершенно поднялись над всем этим. Когда сердце очищено и наполнено до краев божественным нектаром любви, все идеи о Боге, кроме той, что весь Он Любовь, становятся ребяческими и отбрасываются как несоответственные и недостойные. Такова сила Пара-Бхакти, или высшей любви; и совершенный бхакта не идет больше искать Бога в храмах и церквях; он не знает места, где бы не нашел Его. Он находит Его в храме, так же как и вне храма: находит Его в святости Святого, так же как и в безнравственности порочного, потому что он уже поместил Его в славе в своем собственном сердце, как всемогущий, неугасимый свет любви, всегда сияющий и вечно присутствующий.

[3, с. 132-137].

Задания

1. Почему бескорыстный труд, по Вивекананде, ведет к свободе?
2. Имеет ли смысл труд карма-йога, если общее соотношение добра и зла в мире не изменяется?
3. Как должен относиться идущий путем любви к злу, если «все во Вселенной божественного происхождения»?

Дайсэцу Тейтаро Судзуки (1866-1970) – японский мыслитель, буддийский философ и культуролог, ведущий представитель и исследователь дзэн-буддизма – одной из самых влиятельных школ буддизма на Дальнем Востоке и в настоящее время на Западе.

Смысловой и аксиологический центр учения Судзуки – понятие просветления, которое у него обозначает центральное событие, смысл и суть дзэн-буддизма и буддизма в целом, а также любой аутентичной религии и философии.

Основные работы Судзуки «Очерки о дзэн-буддизме» в трех частях, «Лекции по дзэн-буддизму», «Дзэн в японской культуре» и др. В России наиболее известен сборник его работ «Основы Дзэн-буддизма» [10], из которого взяты нижеприведенные фрагменты.

Восточный образ мысли

... Методология, выработанная восточным умом, диаметрально противоположна западному мышлению. Для людей Запада вещь либо существует, либо не существует. Утверждение, что она существует и одновременно не существует, они считают невозможным. Они скажут, что раз мы рождены, то мы обречены на смерть. Восточный ум работает иначе: мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти: нет начала и конца — вот что такое восточный образ мышления. Западный ум считает, что должно быть начало, что Бог должен был сотворить мир, что в начале было «Слово». Нашему, восточному уму все представляется совсем иначе: нет Бога-творца, нет начала вещей, нет ни «Слова», ни Логоса, ни чего-либо, ни ничего. Запад воскликнет тогда: «Все это чепуха! Это совершенно невысказуемо!» Восток ответит: «Вы правы. Покуда существует "мышление", вы не можете избежать дилеммы или бездонной пропасти абсурдов».

... Запад мыслит антитезно. И вообще мышление осуществляется именно таким образом, так как прежде всего существует сам мыслящий субъект, у которого есть объект, на который направлена мысль этого субъекта. Всякое человеческое мышление протекает так. Дуализм в этом случае неизбежен. Рождение и смерть, начало и конец, созидание и разрушение — все это начинается здесь. Такое мышление можно назвать также объективным, так как в этом случае оно исходит от субъекта. Оно начинается с него, а поэтому он всегда налицо. И как бы далеко он не уходил, он никогда не может совершенно исчезнуть.

Восточный образ «мысли» означает, что мыслитель теряется в мышлении. Это уже не мышление в обычном смысле слова. Вот почему я говорю, что восточному уму несвойственно «мышление». Для них (восточных людей – Б. Джинджолия) мыслитель и мышление одно. Если бы они остановились на чем-то одном и сказали бы «да» или «нет», то это бы означало отделение мыслителя от мысли и нарушение целостности внутреннего опыта.

Слова, которыми я здесь пользуюсь, могут показаться читателю непонятными или противоречивыми друг другу, так как термины вроде «субъективный», «целостный», «внутренний», «опыт» — все принадлежат к категории мышления, которую, как я уже сказал, Восток игнорирует.

Вся беда в том, что язык — это самый ненадежный инструмент, который когда-либо изобрел человеческий разум. Мы не можем жить, не прибегая к помощи этого средства общения, ведь мы существа общественные, но если мы только примем язык за реальность или сам опыт, мы совершим самую ужасную ошибку и начнем принимать за луну палец, который всего лишь указывает на нее. Язык — это обоюдоострый меч. Если пользоваться им неосторожно, то он поразит не только врага, но и самого нападающего. Мудрый избегает этого. Он всегда очень осторожен в обращении с языком.

II

Когда я говорю: «Я слышу звук», — то, что я слышу, не воспринимается мною как звук. Это либо «чик-чи-рик» (чириканье воробья), либо «кар-кар» (карканье вороны). Когда я говорю, что вижу цветок и объявляю его «красивым», тогда то, что я вижу, не является красивым цветком: это «е-е» (свежесть и красота) и «сяку-сяку» (яркость) в выражении: «Момо ва е-е тари, соно хану сяку-сяку тари», где «момо» (персиковое дерево) и его, «хана», (цветы) являются обобщением. Мы можем сказать, что даже «кар-кар» и «чик-чирик» или «е-е» и «сяку-сяку» являются в равной мере обобщениями, как и персиковое дерево, воробей или ворона. Но между воробьем и «чик-чирик», или персиковым деревом и «е-е», или «сяку-сяку» существует следующая разница: воробей или персиковое дерево свидетельствуют о так называемом «объективном существовании», в то время как «е-е» и «чик-чирик» не имеют своего объективного значения. Они являются простым выражением внутреннего переживания, которое имеет место в разуме или какой-то иной области.

Язык всегда стремится к образности, и в результате все, что бы ни выражалось с его помощью, не является действительным переживанием, а какой-то идеализированной, обобщенной и объективизированной интерпретацией того, что первоначально было пережито индивидуумом.

«Чик-чирик» и «кар-кар», и «е-е» — это ближайший подход к такому первоначальному внутреннему переживанию индивидуума. Когда же они превращаются в воробьев, ворон или персиковое дерево, они попадают на общественный рынок, где любой, кто захочет, может их купить и продать. Они становятся частью общности и совершенно теряют свое первоначальное неповторимое обаяние, из-за которого они так высоко ценились.

Таким образом, мы можем сказать, что язык имеет два аспекта, или, точнее, наше первоначальное переживание может быть выражено двояким образом: один — объективный, или направленный наружу, а другой — субъективный, или направленный внутрь. Следует помнить, однако, что слово «субъективный» здесь не следует понимать в обычном смысле. Я пытаюсь придать ему, говоря о «субъективном» переживании, значение того, что может быть названо внутренним переживанием, лишенным «умственного» элемента, так как умственное

сводится к бесконечному анализу и никогда не приводит к заключению или чему-то определенному. Это означает, что язык и интеллект тесно связаны друг с другом и что интеллект является антиподом субъективности, которая выражается, если можно так сказать, в углублении в «кар-кар» или «чив-чив» и стремлении проникнуть в основу внутреннего переживания. Это также означает, что субъективный путь — это возвращение к реальности, а не уход от нее. Уход от реальности неизбежно ведет к разделению ее на бесчисленные составные части, лишает ее целостности и не оставляет ничего утешительного или определенного.

Запад слишком увлекался обобщением, что привело к уходу от реальности. Реальность в конкретном, а не абстрактном, однако мы не должны принимать конкретное за гипноз, так как оно не является субстанцией в объективном смысле.

То, что обычно подразумевают под объективной субстанцией, на самом деле представляет собой призрачное существование, не имеющее в себе, в конце концов, никакой субстанции. Я хочу пояснить все это примером.

Действие происходит в древнем Китае. Сановник, по имени Рикко Тайфу, встретился с одним учителем буддизма и, цитируя одного буддийского ученого периода Шести династий, сказал: «Удивительно, что земля и небо представляют собою в основе то же, что и я сам, что десять тысяч вещей состоят из той же субстанции, что и я». На это учитель, Нансэн, отреагировал следующим образом: он просто указал на цветок, растущий во дворе, и, как могло показаться, забыв о единстве вещей, о котором только что упомянул ученый сановник, сказал: «О друг мой, мирские люди смотрят на этот цветок не иначе, как сквозь пелену окутавшего их сна».

Это мондо (вопрос и ответ) весьма примечательно. Ученый сановник, разум которого привык к философскому обобщению, облек реальность в туманный призрак единства вещей. Буддийскому учителю это не понравилось, и вместо того, чтобы пускаться в рассуждения, он обратил внимание своего собеседника на ближайший предмет и посоветовал не превращать его в призрак.

Внешне это может быть принято за чистой воды материализм, но те, кто знает, что имеется в виду под конкретностью или субъективизмом, поймут значимость этой буддийской точки зрения.

III

Воскресение из мертвых, пробуждение от глубокого сна и обретение новой жизни — означает обращение к первоначальному внутреннему опыту и восточному образу «мысли». Как я уже сказал вначале, это не «мысль» в обычном смысле слова. Это, скорее, своего рода чувство. Но «чувством» это, пожалуй, тоже нельзя назвать, так как этим термином называют определенные состояния сознания. Чтобы получить этот внутренний опыт, мы должны углубиться в источник сознания, а чувство не может служить инструментом для подобного рода работы. Оно все еще имеет примесь интеллекта, а там, где она есть, бесполезно искать внутреннюю восточную субъективность. Внутреннее полно жизни. Конкретное переживание не может иметь места на поверхности интеллекта.

Чтобы проникнуть в глубины реальности, требуется живая интуиция, а не интеллект или чувство. Эта интуиция отличается от чувственной интуиции, а также и от интеллектуальной интуиции, которые все же принадлежат к плану объективного мышления и требуют чего-нибудь противопоставляющегося субъекту. В случае же названной мною «живой», или «экзистенциальной интуиции», нет ни объекта, ни субъекта в релятивистском смысле — есть только абсолютное бытие, стоящее выше категории «того» и «этого». Об экзистенциальной интуиции нельзя сказать, что она проявляется на том или ином «плане». Это, если можно так выразиться, абсолютное бытие, отраженное в себе самом. Вся Вселенная является результатом проявлений этой интуиции. Именно в этом смысле мы должны понимать Мейстера Экхарта, который сказал: «Все родилось с моим рождением: я породил себя и все вещи. В моих руках собственная судьба и судьба всех вещей». Это полностью соответствует тому, что, как гласит предание, было сказано Буддой сразу же после его появления на свет: «На земле и на небе я единственный достоин почитания». Интуиция — это рождение. С этим рождением появляются небо, земля и все бесчисленное множество вещей. Однако подобного рода высказывания совершенно недоступны сфере интеллектуального постижения.

В литературе по дзэн-буддизму сколько угодно таких диких, абсурдных высказываний. Они не уместаются ни в какие рамки интеллекта. Природа экзистенциальной интуиции такова, что она диаметрально противоположна интеллектуальному объективизму. В связи с этим необходимо тщательно следить за тем, чтобы все, связанное с этой интуицией и что также может быть названо первоначальным, не попало бы в сети объективности.

[10, с. 372-379].

Вопрошание и просветление

Насколько я понимаю буддизм, он сосредоточивает основное внимание на просветлении, которого достиг Будда. «Будда» означает «просветленный». Просветление еще называют также «бодхи». «Будда» и «бодхи» происходят от одного и того же корня «будх», что означает «будить» или «осознать что-либо». «Будда» — это пробужденный от сна относительной, условной жизни. То, чему он учит, есть «бодхи», «просветление», или «самбодхи», иными словами, — «совершенное просветление, не знающее себе равного».

Доктрина Будды основана на его просветлении. Она ставит себе целью помочь каждому из нас достичь этого просветления, так как буддизм не есть нечто, находящееся вне нас и не относящееся к нам лично. Будда был последовательным «индивидуалистом» и настоятельно требовал от своих последователей, чтобы они ценили свой собственный опыт, а не просто полагались на авторитет более высокоразвитой личности. От них требовалась самостоятельность, во имя их же собственного освобождения.

[...]

Все это можно счесть за ярко выраженный индивидуализм, но, в конце концов, когда мы голодны, мы сами должны достать пищу, которая находится у нас во рту. Мы не можем доверить это ни Богу, ни черту. Просветление нужно

испытать лично. Буддизм поэтому не есть учение, основанное на личном опыте просветления Будды, который ученикам предлагается проглотить как горькую пилюлю, не дав им ее распробовать и составить своего собственного представления о ее вкусе. По этой причине, чтобы понять буддизм, мы должны, прежде всего, выяснить, что такое совершенное просветление.

Давайте сначала поинтересуемся, как сам Будда достиг просветления.

Подобно всем другим индийским святым или философам, он заботился прежде всего о том, чтобы освободиться от оков жизни и смерти или бремени существования. Поскольку наше существование условно, оно всегда привязывает нас к чему-нибудь, а привязанность порождает страдание. Таково положение вещей, при котором мы все живем. И в каждом из нас, кто хоть сколько-нибудь размышляет над жизнью, живет нечто, что постоянно побуждает нас к попыткам превзойти все эти ограничения.

Мы жаждем бессмертия, вечной жизни и абсолютной свободы. Будда был особенно чувствительным в этом отношении. Он во что бы то ни стало хотел освободиться от оков существования.

Это желание или стремление носит чисто человеческий характер и является следствием того, что мы в состоянии размышлять над нашим собственным положением, что мы можем осознать окружающие условия, как внешние, так и внутренние, а также отделить себя от жизни, которой мы живем. Это стремление, выражаясь языком метафизики, представляет собою попытку познать конечное значение реальности. Эта попытка принимает форму следующих вопросов. Стоит ли жизнь того, чтобы жить? Каков смысл жизни? Откуда мы пришли и куда мы уйдем? Что такое это «я», которое задает все эти вопросы? Существует ли какая-нибудь внешняя сила, управляющая Вселенной ради своей забавы и т. п.

Все эти вопросы, таким образом, могут быть сведены к одному: что такое реальность?

Философы и так называемые религиозные люди по-разному подходят к этому основному вопросу. А буддисты, и, в особенности дзэн-буддисты, имеют свою особую точку зрения, которая отличается от тех и других.

Как философы, так и религиозные люди, в большинстве своем пытаются решить эту проблему так, как она им представляется, то есть объективно. Они берут вопрос в том виде, как его задают, и пытаются на него тем или иным образом ответить.

Что же касается буддистов, то они стремятся докопаться до источника, в котором возникает эта проблема, и посмотреть, как она вообще возникает. Когда они встречаются с вопросом «Что такое реальность?», то вместо того, чтобы принять вопрос как таковой, они идут к тому, кто задает этот вопрос. Поэтому вопрос этот теряет свой абстрактный характер. На арене появляется личность, живая личность. Она преисполнена жизни, и не менее жизненный также и вопрос, который перестает быть абстрактным и безличным, так как самым непосредственным образом касается того, кто его задает.

Когда ученик спрашивает: «Что такое природа Будды или реальность?» — учитель, отвечая вопросом на вопрос, спрашивает: «Кто ты?» или «Откуда у тебя появился этот вопрос?» Иногда учитель может назвать имя ученика, и когда тот ответит «да», учитель, помолчав немного, спросит: «Понимаешь?» Монах может признаться, что ничего не понимает, и тогда учитель назовет его «никудышным парнем».

Буддизм считает, что вопрос никогда не следует отделять от того, кто его задает. Покуда такое разделение будет существовать, вопрошающий не сможет прийти к правильному ответу. Каким образом и когда вообще возникает вопрос? И как только вопрошающему могло прийти в голову задать этот вопрос? Вопрос вообще возникает только тогда, когда вопрошающий отделяет себя от реальности. Он стоит в стороне и задает вопрос: «Что это такое?» Только мы, люди, имеем эту привилегию. Животные лишены ее. У них вообще нет вопросов. Они ни счастливы, ни несчастны. Они просто принимают вещи в том виде, как они перед ними предстают.

Но с человеком дело обстоит совершенно иначе. Мы знаем, как поставить себя вне реальности и размышлять над ней, задавая всякого рода вопросы. Поступая так, мы мучаем себя, а иногда даже находим в этом своего рода развлечение. Однако когда перед нами встает вопрос жизненной важности, мы ощущаем всю его серьезность.

Поистине, мы имеем привилегию мучиться, и потому, должно быть, имеем также привилегию испытать счастье. У животных же не может быть ничего подобного.

[...] Наша беда состоит в том, что мы отделяем вопрос от вопрошающего. Однако такое отделение вопроса от вопрошающего является совершенно естественным для человеческого существа. Так уж мы с вами устроены, что везде и всегда нам приходится задавать вопросы. Но в то же самое время эти поставленные вопросы являются причиной самых неприятных ситуаций, в которые мы часто попадаем.

Буддист считает, что такое разделение никогда не приведет нас к решению. Оно необходимо для того, чтобы задавать вопрос, но не может явиться ключом к его разгадке. Скорее наоборот — оно уводит нас еще дальше от нее.

Решить вопрос — означает быть единым с ним. Когда такое единство в самом глубоком смысле имеет место, оно само дает нам ответ, причем вопрошающему в этом случае нет никакой нужды пытаться решить этот вопрос. Он решается сам собой. Именно таким образом буддист подходит к решению проблемы «что такое реальность».

Это означает, что когда вопрошающий перестает отделять себя от вопроса и сливается с ним, он возвращается к первоисточнику.

Другими словами, возвращаясь к началу начал, где отсутствует разделение на субъект и объект, во время, предшествующее разделению, когда мир еще не был сотворен в виде реального опыта, а не в виде логического доказательства, он получает ответ на поставленный вопрос.

Услышав все это, читатель может спросить: «Когда вы говорите о времени, предшествующем разделению на субъект и объект, то есть до того, как Бог сотворил мир, это ведь означает, что мы еще не были рождены и вообще не могли задавать тогда вопросы. В этом случае не может быть и речи о каком-либо вопросе, а также и о каком-либо ответе. Более того, само просветление теряет всякий смысл, так как все в этом случае сводится к абсолютной пустоте, в которой нет еще ни Бога, ни творения, ни нас и, следовательно, никаких вопросов. Такое решение — не решение, а уничтожение».

Все дело в том, что я постоянно и упорно отсылаю читателя в ложном направлении, сбивая его с толку и толкая в кромешную тьму, от которой я его и пытаюсь при этом спасти. Читатель как бы подготавливается к своим собственным похоронам. Все, к чему я стремлюсь, — это совершенно отучить его от всякого рода вопросов, споров и рассуждений, сделав его, таким образом, совершенно свободным — свободным от всякого рода аналитических дискуссий. Это возможно лишь тогда, когда вопрошающий отождествляет себя с вопросом, или когда все существо наше превращается в огромный вопросительный знак, объединяющий начало и конец мира. А это — вопрос опыта, а не рассуждения. Будде удалось достичь этого состояния лишь после шести лет глубоких размышлений и строгого аскетизма. По ходу изложения предмета вам станет это еще яснее.

Так или иначе, буддисты уделяют основное внимание просветлению, считая, что лишь оно одно может дать ключ к решению всех проблем.

Но куда будут иметь место те или иные формы умственного отделения вопрошающего от вопроса, ответа на последний нечего ожидать, так как любой так называемый «ответ» вовсе не является ответом в подлинном смысле, а лишь в относительном, рациональном, логическом смысле. Такой ответ иллюзорен. Получить истинный ответ, который затрагивает или, скорее, ставит на карту все наше существование, — далеко не легкая задача.

Отделение субъекта от объекта порождает вопрос, а интеллект ответить на него не в состоянии, потому что природа умственного ответа такова, что за ним всегда неизбежно следует целая серия других вопросов и конечного ответа мы так и не получаем. Кроме того, умственное решение — если оно только возможно — всегда остается только умственным и никогда не затрагивает само наше существо. Интеллект — это периферийный работник, бросающийся из одной крайности в другую.

Что касается вопроса о реальности, то мы можем сказать, что в некотором смысле мы уже имеем на него ответ еще до того, как мы его задаем, но на интеллектуальном плане это понять невозможно. Такое понимание возможно только за его пределами.

В связи с тем, что вопрос и отделение субъекта от объекта неразрывно связаны друг с другом, постановка вопроса в действительности означает, что реальность желает познать себя, а для того, чтобы это сделать, она сочла необходимым разделить себя на вопрошающего и вопрос. В таком случае ответ следует искать в самой реальности до того, как вышеупомянутое деление имело

место. Это означает, что ответ возможен тогда, когда вопрошающий и вопрос еще представляют собою одно целое. Вопрос возник после разделения. До него не было никакого вопроса. Поэтому, когда мы отправляемся туда, где нет вопроса, то там нет, естественно, и никакого ответа.

И в этой-то обители, где нет ни вопросов, ни ответов, мы и найдем конечный «ответ». Вот почему философ дзэн-буддизма говорит, что ответ уже дан до того, как задается вопрос.

[...]

Дело в том, что ответ неотделим от вопроса, так как вопрос в то же время является и ответом. Но мы должны помнить, однако, что если нет вопроса, то не следует ожидать и ответа.

...Будде никак не удавалось решить стоящую перед ним проблему, пока он ограничивался уровнем антитезного мышления, на котором вопрошающий отделяет себя от вопроса. Это означает что перед ним вставали все новые и новые вопросы, требующие удовлетворительного ответа. История Будды является типичным примером того, через что проходит человек, ищущий истину.

Поиски истины мы обыкновенно начинаем с изучения философии, так как раскрытие наших мыслительных способностей идет параллельно нашим размышлениям о реальности. Мы изучаем сначала историю человеческой мысли и узнаем, что говорили древние мудрецы относительно этой проблемы, которая их также очень сильно волновала. Будда тоже начал с этого, и первое, что он сделал, когда оставил дом и светскую жизнь, это отправился в лес, где можно было встретиться с лучшими учеными людьми того времени. Однако этим он не был удовлетворен. Философия по своей природе не в состоянии отправить нас туда, где вопрос еще не задан. Такая задача ей не под силу, так как она имеет свои определенные пределы. Она может дать нам только очень смутное и поверхностное представление о самой реальности, причем, возможно, что чем ближе мы будем подходить к ней, тем туманнее она будет становиться. Это напоминает танталовы муки. Вполне естественно поэтому, что Будда в конце концов должен был оставить своих учителей.

Затем он предается аскетизму. Большинство из нас почему-то думает, что подчинением себе плоти мы очищаем ум, превращая его в инструмент, способный видеть реальное в истинном свете. Но в случае такого самоистязания наше «я», вопрошающий, превращается в своего рода врага, которого нужно сокрушать. Этот враг постоянно предстает перед вопрошающим, и никакая отчаянная борьба в этой смертельной битве не в состоянии обеспечить победы над ним, так как «я» или вопрошающий жив, он породит нового врага и будет вынужден также бороться и с ним.

Кроме того, убить врага — не означает спасти себя или получить ответ на вопрос. «Я» живет только тогда, когда существует «не я», которое и является врагом, порожденным «я». Вопрошающий всегда остается вопрошающим или творцом вопроса.

В аскетизме вопрошающий — это «я». Далее этому «я» противопоставляется то, что не есть «я», то есть враг, и этого врага человек во что бы то ни стало

старается победить. Но враг этот не может быть побежден, покуда существует «я». Это «я» никогда не останется наедине с собою: оно всегда стремится найти что-либо, в противовес чему оно могло себя утвердить в доказательство своей силы и первостепенной важности. Оно теряет свое лицо при отсутствии других «я», в сравнении с которыми оно должно показать себя. Аскетизм — это своего рода гордость или самоутверждение. Аскетизм и нравственное очищение никогда не могут идти за пределы «я», а если мы не пойдем за его пределы, мы не будем иметь ни малейшего шанса найти решение той проблемы, с которой начались поиски истины. «Я» должно быть совершенно остановлено и лишено всего того, что о нем хоть как-то напоминает. Я имею в виду отсутствие противопоставления «я» и «не я».

Будда дошел до этого самым практическим образом. Однажды он попробовал подняться с места, на котором сидел, и не смог этого сделать, потому что из-за недостатка нормального питания он очень ослаб, пытаюсь принимать минимальное количество пищи с целью подчинить себе тело настолько, чтобы оно не могло себя утверждать. Цель была достигнута, и тело настолько ослабло, что даже встать было невозможно. Но проблема реальности и истины по-прежнему оставалась нерешенной: самоистязание не привело к ее решению. Тогда он подумал, что «если он умрет, то вопрошающий исчезнет, а вопрос так и останется неразрешенным».

Он начал после этого принимать достаточное количество пищи, желая окрепнуть физически и продолжить поиски ответа на вопрос, который поглощал все его существо. Но что же делать дальше? Интеллект не дал ему ответа, аскетизм — тоже. Он был в полном замешательстве и не знал, что делать, а стремление получить ответ на вопрос стало как никогда сильным. Если бы он обладал более слабым умом, то он, возможно, не выдержал бы такого сильного напряжения. Все силы его существа были крайне напряжены в реакции на такого рода положение. Теперь он чувствовал, что у него нет никакого вопроса, который нужно решить, а также никакого «я», которое должно противостоять врагу. Фактически все его существо, его «я» и интеллект превратились в вопрос. Другими словами, он сам стал вопросом.

Подразделение на вопрошающего и вопрос, «я» и «не я» исчезло. Осталось только одно неразделенное «неизвестное», в котором он был похоронен. Не было, если мы можем себе это представить, ни Шакьямуни — вопрошающего, ни самосознающего «я», ни вопроса, стоящего перед интеллектом и угрожающего всему существованию, а также ни неба над головой, ни земли под ногами. Если бы мы смогли заглянуть в это время к нему в душу, мы увидели бы там только один гигантский вопросительный знак, занимающий собою всю Вселенную. Таково было его умственное состояние, если только можно сказать, что у него был тогда вообще какой-либо ум. Он находился в этом состоянии некоторое время, пока его взгляд случайно не остановился на утренней звезде. Ее свет привел его в чувство, и к нему вернулось обычное сознание. Вопрос, который прежде его так сильно беспокоил и волновал, совершенно исчез. Все приобрело совершенно новое значение. Весь мир предстал перед ним в новом свете.

[...]

Просветление, которого достиг Будда, явилось величайшим событием в его жизни, вследствие которого, как известно, позже возникла целая религия — буддизм. Все аспекты буддизма так или иначе связаны с духовным опытом Будды, и если мы сталкиваемся с каким-либо трудностями в изучении и понимании этого учения, то конечный ответ нам может дать только само просветление Будды.

Будда без просветления — это не Будда, и буддизм, не базирующийся на «совершенном просветлении Будды», — не буддизм. Таким образом, становится ясно, чем именно отличается буддизм от всех других религий.

[10, с. 405-417].

Вопросы и задания

1. В чем, по Судзуки, суть восточного мышления?
2. Чем буддийская интуиция в трактовке Судзуки отличается от рациональной интуиции Декарта или Спинозы? К каким представителям западной философии он близок в своей концепции интуиции?
3. Выделите основные этапы генезиса вопрошания.
4. В чем суть события буддийского просветления, в трактовке Судзуки?

Джидду Кришнамурти (1895(7?)-1986) – индийский мыслитель, человек уникальной судьбы. Мальчиком он был признан членами Теософского общества предназначенным для воплощения грядущего мессии и соответственно воспитан под их наблюдением. Однако в 1929 г. Кришнамурти отказывается как от своего мессианства, так и от всякого участия в организованной религиозной деятельности и становится одиноким мыслителем, ведущим беседы с людьми в десятках странах мира.

Несмотря на сознательный отказ от какой-либо системной законченности или понятийно-терминологической традиции, в учении Кришнамурти отчетливо проглядывают ключевые индо-буддийские идеологемы восточного мировоззрения. Известные работы Кришнамурти: «Первая и последняя свобода», «Единственная революция», «Вне времени», «Свобода от известного».

Что такое мышление?

...Попытаемся выяснить, что такое мышление. Как отличается мысль, которая дисциплинируется вниманием, логикой, здравым смыслом (для нашей повседневной деятельности), от мысли, которая вообще не имеет никакого значения? До тех пор, пока нам не будут ясны две эти разновидности мысли, мы не сможем понять и то более глубокое, к чему мысль не может прикоснуться. Итак, попытаемся понять всю ту целостную, сложную структуру, которая определяет память, попытаемся понять, откуда возникает мысль, которая затем обуславливает все наши действия, и, если мы поймем все это, мы, быть может, натолкнемся на нечто такое, чего мысль никогда не раскрывала, к чему мысль никогда не могла найти ключ. Почему мысль приобрела такое важное значение в нашей жизни, мысль, которая есть идея, ответ на вызов, накопление памяти в клетках мозга? Быть может, многие из нас прежде не задавали себе такого вопроса или, если задавали, то, возможно, говорили: «Это не имеет особого значения, важны эмоции». Но я не представляю, как вы отделяете одно от другого. Если мысль не придает длительности чувству, чувство умирает очень скоро. Итак, почему мысль приобрела такое необычайное значение в нашей жизни, в нашей скучной, трудной, исполненной страха жизни? Задайте себе этот вопрос, как я задаю его себе. Почему человек стал рабом мысли, хитрой мысли, которая может организовывать, которая так много изобрела, породила так много войн, создала так много страха, тревог, которая непрерывно плодит представления и гонится за собственным хвостом, мысли, которая испытала удовольствие вчера и продлевает это удовольствие в настоящее, а также в будущее; мысли, которая всегда активна, которая всегда болтает, движется, констатирует, отбрасывает, добавляет, предполагает? Идеи стали гораздо более важными для нас, чем действия, - идеи, столь умно изложенные в книгах интеллектуалами в различных областях знания. Чем тоньше и изощреннее эти идеи, тем больше мы преклоняемся перед ними и перед книгами, в которых они содержатся. Мы сами есть эти книги, мы есть эти идеи, мы всецело обу-

словлены ими. Мы постоянно дискутируем об идеалах, идеях и мнениях со всеми их вывертами. У каждой религии свои догмы, свои формулировки, свой собственный путь мученического достижения богов, и когда мы исследуем истоки мысли, нам открывается значение всей структуры в целом. Мы отделили идеи от целого, ибо идеи всегда от прошлого, а действие всегда в настоящем, поэтому и жизнь - всегда настоящее. Мы испытываем страх перед жизнью, и поэтому прошлое - формы и идеи - приобрело для нас такое важное значение.

Чрезвычайно интересно наблюдать процесс собственного мышления, просто наблюдать, как мыслишь. Откуда берет начало эта реакция, которую мы называем мышлением? Очевидно, из памяти, но существует ли вообще начало мысли? Если существует, то можем ли мы открыть этот источник, источник памяти (потому что если у нас не будет памяти, у нас не будет мышления)? Мы видели, как мысль поддерживает и продлевает удовольствие, испытанное нами вчера, и как мысль продлевает также противоположность удовольствия, являющуюся страхом и страданием; таким образом, тот, кто переживает и мыслит, сам и представляет собой эти удовольствия и страдания, а также является той сущностью, которая питает и поддерживает удовольствие и страдание. Тот, кто мыслит, отделяет удовольствие от страдания, Он не видит, что в самом требовании удовольствия таится страдание и страх. Мысль в человеческих отношениях всегда содержит требование удовольствия, которое она прикрывает разными словами, такими, как верность, помощь, жертва, поддержка, служение. Хотел бы я знать, почему нам надо служить? Бензоколонка предоставляет отличный сервис. Что значат эти слова: отдавать, помогать, служить? Что здесь имеется в виду? Говорит ли полный меда и света цветок: «Я даю, помогаю, служу»? Он есть. Он не пытается что-либо делать, он просто вплетается в поверхность земли.

Мысль так хитра, так изощрена, что для своего удобства все искажает. Требуя удовольствия, мысль создает свои собственные оковы. Она создает двойственность во всех наших отношениях; а в нас имеется склонность к насилию, которая доставляет нам удовольствие, но есть также страстное желание обрести мир, мечта быть мягкими и добрыми, вот что постоянно происходит в жизни всех нас. Мысль не только порождает в нас эту двойственность, это противоречие, но она также накапливает бесчисленные воспоминания об испытанных нами удовольствиях и страданиях. А эти воспоминания рождают ее вновь. Таким образом, как я уже отметил, мысль есть прошлое, мысль всегда стара. Всякий вызов всегда нов, а формулируется он неизменно в терминах прошлого, а отсюда и все неадекватности, противоречия, конфликты и все несчастья и печали, которые мы наследуем. Наш жалкий мозг всегда пребывает в конфликте, что бы он ни делал: жаждет он чего-то или подражает, приспосабливается, подавляет, сублимирует, прибегает к наркотикам, чтобы расширить свои возможности, - что бы он ни делал, он пребывает в состоянии конфликта и будет создавать лишь конфликт.

...Мысль никогда не может разрешить никакой психологической проблемы, какой бы она ни была изощренной, хитрой и эрудированной, какую бы струк-

туру она ни создала с помощью науки, с помощью электронного мозга, по принуждению или под давлением необходимости; мысль никогда не бывает новой, и поэтому она никогда не может дать ответ ни на какой значительный вопрос. Старый мозг не может разрешить грандиозной проблемы.

Мысль изворачивается, потому что она может выдумывать все что угодно и видеть вещи, которых не существует. Она может проделывать самые необычайные трюки, и поэтому на нее нельзя полагаться, но если вы поняли всю структуру мышления - как вы мыслите, почему вы мыслите, какими словами пользуетесь, как вы ведете себя в повседневной жизни, как вы разговариваете с людьми, как вы к ним относитесь, как вы ходите, как вы едите - если вы осознали все это, тогда ваш ум не введет вас в заблуждение, тогда ничто не может вас обмануть, тогда ум не требует, не подчиняет; он становится необычайно спокойным, гибким, сенситивным, пребывающим наедине с собой, и в этом состоянии ничто не может его обмануть.

Если человек хочет увидеть что-либо очень ясно, его ум должен быть очень спокоен, без всех этих предвзятых мнений, без болтовни, диалога, представлений, образов, - все это должно быть отброшено ради того, чтобы видеть. И только в тишине вы можете наблюдать, как рождаются мысли, а не тогда, когда вы ищете, задаете вопросы, ждете ответа. Только когда вы полностью спокойны, спокойны всем вашим существом. Тогда, если вы зададите вопрос, как возникает мысль, вы начнете видеть из этой тишины, как мысль обретает форму. Если мы осознали, как возникает мысль, то нет необходимости ее контролировать. Мы тратим очень много времени и расточаем очень много энергии в течение всей нашей жизни, пытаюсь контролировать наши мысли, - это хорошая мысль, я должен ее поощрять, эта мысль плохая, я должен подавить ее, - идет непрерывная борьба между одной мыслью и другой, между одним желанием и другим, одно удовольствие преобладает над всеми остальными; но если существует осознание тот, как возникает мысль, то нет противоречия в мышлении.

Так вот, когда вы слышите утверждение, например, что мысль всегда стара, или что время есть страдание, мысль начинает объяснять это и истолковывать. Но объяснения и истолкования основаны на знании и опыте вчерашнего дня, и таким образом ваше толкование неизменно будет исходить из вашей обусловленности. Но если вы посмотрите на эти утверждения, не пытаюсь их толковать, а просто отдавая им все ваше внимание (не просто сосредоточение), вы обнаружите, что не существует ни наблюдающего, ни объекта наблюдения, ни мыслящего, ни мысли. Не спрашивайте, <что возникло раньше>. Это хитрый аргумент, который никуда не ведет. Вы можете наблюдать в самом себе, что до тех пор, пока нет мысли, исходящей от памяти, опыта или знаний, которые все являются прошлым, не существует вообще то-го, кто мыслит. Это не философия и не мистика. Мы имеем дело с действительными фактами, и вы увидите, если до конца проделали путь нашего исследования, что вы будете отвечать на вызов не так, как прежде, а совершенно по-новому.

[7, с. 70-74].

Медитация

Все мы стремимся иметь опыт разного рода: мистический, религиозный, сексуальный, опыт обладания большими деньгами, положением, властью. С возрастом мы оказываемся способными преодолеть власть физических потребностей, и тогда мы начинаем ощущать необходимость в более широких, глубоких, более значительных познаниях, и мы прибегаем к различным средствам, чтобы достичь их, расширяя наше сознание, например (что представляет собой подлинное искусство), или принимая разные наркотики. ...Мы думаем, что с помощью таких впечатлений мы можем убежать от самих себя, но ведь эти впечатления обусловлены тем, чем являемся мы сами. Если ум мелок, завистлив, охвачен тревогой, то какие бы наркотики человек ни принимал, включая самые новейшие их виды, он по-прежнему будет воспринимать лишь убогие творения своего собственного ума, его собственные ничтожные проекции, обусловленные самой его основой.

...Ум, ищущий, жаждущий все более широких и глубоких переживаний, - очень мелкий и тупой ум, потому что он живет всегда в своих воспоминаниях. Ну, а если у нас вообще не будет никаких переживаний, что тогда с нами произойдет? Мы зависим от переживаний, вызовов, которые поддерживают нас в состоянии бодрствования. Если бы в нас самих не было никаких конфликтов, никаких изменений, никаких тревог, все мы крепко спали бы, поэтому вызовы необходимы для большинства из нас; мы считаем, что без них наш ум станет тупым и сонным, и поэтому мы зависим от вызовов, от переживаний, которые усиливают наши волнения, напряженность чувств, делают наш ум более острым. Но фактически эта зависимость от вызовов, переживаний только притупляет наш ум и вовсе не помогает сохранить бодрствующее состояние. И вот я задаю себе вопрос, можно ли сохранить состояние полного бодрствования не в отдельных периферических точках моего существа, но быть полностью бодрствующим без всяких вызовов и переживаний? Для этого требуется большая восприимчивость, как физическая, так и психическая. Это означает, что я должен быть свободным от всяких потребностей, ибо в тот момент, когда я испытываю потребность, у меня возникает желание испытать переживание. Чтобы быть свободным от потребностей и их удовлетворения, необходимо исследовать в самом себе и понять всю природу потребности и ее целостность.

Потребность рождается из двойственности: «Я несчастен, я должен быть счастлив». В самом требовании, что я должен быть счастлив, содержится несчастье. Когда человек делает усилие, чтобы быть добрым, в самой этой доброте есть ее противоположность - зло. Все достигнутое содержит свою противоположность, и стремление преодолеть ее усиливает то, против чего борются. Когда вы испытываете потребность в переживании истины или реальности, эта потребность рождается из вашей неудовлетворенности тем, что есть, и поэтому потребность создает противоположное, а в этом противоположном пребывает то, что было. Таким образом, человек должен быть свободным от этой непрекращающейся потребности, иначе двойственности не будет конца.

Это означает, что знание всегда должно быть полным, чтобы ум прекратил искания.

Такой ум не будет требовать переживаний. Он не будет нуждаться в вызове или воспринимать вызов, он не скажет: <я сплю> или <я бодрствую>. Он будет полностью тем, что он есть. Только пребывающий в разладе с собою, узкий, мелкий ум ищет большего. Возможно ли тогда жить в этом мире без большего, без этого нескончаемого сравнения? Конечно можно. Но каждый должен выяснить это сам.

Изучение этого вопроса во всей его целостности и есть медитация. Это слово использовалось на Востоке и на Западе, к сожалению, самым неудачным образом. Существуют различные медитации, различные методы и системы. Есть системы, которые говорят: «Следите за движениями большого пальца вашей ноги. Следите, следите, следите». Есть и другие системы, которые рекомендуют сидеть в определенном положении, правильно дышать или практиковать осознание. Все это крайне механистично. Есть метод, предлагающий вам определенное слово, повторение которого даст вам необычайные трансцендентные переживания. Это полнейшая чепуха. Тут некая форма самогипноза. Многократное повторение слова «аминь», или «Ом», или «кока-кола» вызовет у вас определенные переживания, потому что от повторения ум затихает. Это хорошо известный феномен, который на протяжении тысячелетий практиковался в Индии и получил название мантра-йоги. Повторением вы можете привести ваш ум в состояние кротости, доброты, но независимо от этого он все же останется мелким, пустым, убогим умом. С таким же успехом вы можете поставить перед собой на край камина кусок палки, найденной в саду, и каждый день класть перед ним цветы. Через месяц вы будете ему поклоняться и считать большим грехом, если вы не положите цветы.

Медитация - это не следование какой-либо системе, это не повторение и не подражание. Медитация - не концентрация. Это один из излюбленных приемов некоторых учителей медитации, требующих от своих учеников умения сосредоточиться, что означает фиксацию ума на какой-либо мысли и отбрасывание всех других мыслей. Это наиболее уродливая и глупая вещь, которую может проделать любой школьник, если его заставить так делать. Это означает, что внутри вас идет непрекращающаяся борьба между настойчивым желанием сосредоточиться и вашим умом, все время перескакивающим с одного на другое, тогда как вы должны были бы внимательно наблюдать за каждым движением ума, где бы он ни блуждал. Когда ваш ум блуждает, это значит, что вас интересует что-то другое.

Для медитации необходимо, чтобы ум был чрезвычайно живым. Медитация - это понимание жизни в ее целостности, понимание, в котором все формы фрагментирования прекратились. Медитация - не контроль за мыслью, потому что когда мысль контролируется, это порождает конфликт в уме, но когда вы поняли структуру и источник мысли, по-настоящему глубоко в это вникнув, тогда мысль не будет помехой. Само это понимание структуры мышления есть его собственный порядок, который не является медитацией. Медитация должна

быть осознанием каждой мысли, каждого чувства, при котором никогда не следует говорить, что это правильно или неправильно. Нужно лишь наблюдать их и двигаться вместе с ними. При таком наблюдении вы начинаете понимать целостное движение мысли и чувств. И из этого осознания возникает безмолвие. Тишина, достигнутая при помощи мысли, есть застой, смерть; но безмолвие, которое приходит, когда мысль постигла свой собственный источник, природу самой себя, постигла, что она никогда не бывает свободной, что она всегда стара, это безмолвие есть медитация, в которой медитирующий полностью отсутствует, потому что ум освободил, опустошил себя от прошлого. Если вы читали эту книгу внимательно в течение часа - это есть медитация; если вы только извлекли из нее несколько слов и восприняли несколько идей, чтобы продумать их позднее - это уже не медитация. Медитация - это состояние ума, который смотрит на все с полным вниманием, целостно, а не выделяя какие-то части. И никто не может научить вас быть внимательным. Если какая-то система учит вас, как быть внимательным, то это внимание в отношении данной системы. А это ведь не является вниманием. Медитация - одно из величайших искусств в жизни, может быть, самое великое, и человек не может научиться медитации от кого бы то ни было. В этом ее красота. Медитация не имеет техники, а следовательно, авторитета. Если вы изучаете себя, наблюдаете за собой, за тем, как вы едите, как говорите, как вы болтаете, ненавидите, ревнуете, если вы осознаете это все в себе, без выбора, это есть часть медитации.

Таким образом, медитация может иметь место, когда вы сидите в автобусе или гуляете в лесу, полном света и теней, или слушаете пение птиц, или смотрите на лицо вашей жены или вашего ребенка. В понимании медитации есть любовь, а любовь - не продукт системы привычек, не результат следования методу. Любовь не может культивироваться мыслью. Любовь может прийти, когда существует полное безмолвие, безмолвие, в котором медитирующий совершенно отсутствует; а ум может быть безмолвным только тогда, когда он понимает свое собственное движение - мысли и чувства. Чтобы понять это движение мысли и чувства, при его наблюдении не должно быть осуждения. Такое наблюдение, конечно, есть дисциплина, но эта дисциплина текуча, свободна, это не дисциплина приспособления.

[7, С. 78-82].

Любовь

Что такое любовь? Слово так избито, так извращено, что мне не хочется им пользоваться. Все говорят о любви, каждый журнал, каждая газета, каждый миссионер без умолку говорят о любви. Я люблю мою страну, люблю моего короля, я люблю какую-то книгу, я люблю эту гору, я люблю удовольствие, я люблю мою жену, я люблю Бога. Является ли любовь идеей? Если это так, то ее можно культивировать, лелеять, всюду рекламировать, исказить каким угодно способом. Когда вы говорите, что любите Бога, что это означает? Это означает, что вы любите проекцию вашего собственного воображения или проекцию вас самих, облаченную в известные формы респектабельности в соответствии с тем, что вы считаете благородным и священным; таким образом, го-

ворить: я люблю Бога - это полнейший абсурд. Когда вы поклоняетесь Богу, вы поклоняетесь самим себе, а это не является любовью.

Поскольку вы не в состоянии разрешить это явление человеческой жизни, именуемое Любовью, мы уходим в абстракцию. Любовь может быть окончательным разрешением всех человеческих трудностей, проблем и забот. Но как нам выяснить, что такое любовь, просто давая ей определения? Церковь определяет ее одним образом, общество другим, и существуют все виды отклонений и извращений: обожание кого-то, физические отношения с кем-то, отношения эмоциональные, отношения товарищеские - не это ли мы разумеем под любовью? Это стало нормой, шаблоном, стало таким ужасающе личным, чувственным, ограниченным, что религии заявили: «Любовь - это гораздо большее». В том, что называется человеческой любовью, они видят наслаждение, соперничество, ревность, желание обладать, удерживать, контролировать, вмешиваться в мышление другого, и, сознавая сложность всем этого, они говорят, что должна существовать другая любовь: божественная, возвышенная, нетленная.

Повсюду в мире так называемые святые люди утверждали, что смотреть на женщин - это что-то абсолютно дурное, они говорят, что нельзя приблизиться к Богу, если вы потакаете сексу. Поэтому они отвергают его, хотя сами испытывают сильное искушение, но, отрицая секс, они лишают себя глаз и языка, потому что отвергают всю красоту земли. Они истощают свои сердца и умы, иссушают свои тела; они изгоняют красоту, потому что красота связана с женщиной.

Может ли любовь быть разделена на святую и мирскую, человеческую и божественную, или существует только одна любовь? Есть ли разница между любовью к одному и ко многим? Если я говорю: «Я люблю тебя», исключает ли это любовь к другим? Это любовь личная или безличная? Является ли любовь личной или безличной, моральной или аморальной, к семье или не к семье? Если вы любите все человечество, можете ли вы любить отдельного человека? Является ли любовь чувством? Является ли она эмоцией? Является ли любовь наслаждением или желанием? Все эти вопросы показывают, что у вас имеются идеи о любви или о том, какой она должна или не должна быть, определенный шаблон или код, выработанный культурой, в которой мы живем.

Следовательно, чтобы углубиться в вопрос, что такое любовь, мы сначала должны освободить ее от вековых наслоений, отбросить все идеалы и идеологии, представления о том, чем она должна или не должна быть. Разделять что бы то ни было на то, что должно быть, и то, что есть, - это путь наибольшего заблуждения, когда мы имеем дело с жизнью.

Как мне выяснить, что представляет собой это пламя, которое мы называем любовью? Не как выразить это другому, но выяснить, что значит оно само по себе? Сначала я отброшу все, что сказали об этом церковь, общество, мои родители, друзья, любой человек, любая книга, потому что я сам хочу выяснить для себя, что оно значит. Это громадная проблема, которая охватывает все человечество; существует тысяча путей ее определения. Я сам нахожусь в плену

того или иного шаблона в зависимости от того, что мне нравится или радует меня в данную минуту, - так не следует ли мне, чтобы понять это, прежде всего освободиться самому от моих личных склонностей и предубеждений? Я нахожусь в смятении, меня тянут в разные стороны мои собственные желания, и поэтому я говорю себе: <Сначала разберись в своем собственном смятении, быть может, ты раскроешь, что такое любовь, выяснив, чем она не является>. Правительство говорит: «Иди убивай ради любви к своей стране», разве это любовь? Религия говорит: «Откажись от секса ради любви к Богу», но разве это любовь? Является ли любовь желанием? Не говорите нет, для большинства из нас любовь - это желание с наслаждением чувственного порядка, в основе которого сексуальная привязанность и удовлетворение. Я не противник секса, но посмотрите, что он в себя включает. Секс дает вам на мгновение полное забвение себя, а затем вы снова возвращаетесь к вашему смятению, и поэтому вы испытываете необходимость повторения, хотите снова и снова вернуть это состояние, в котором нет терзаний, нет проблем, нет себя. Вы говорите, что любите вашу жену. Эта любовь включает сексуальное наслаждение, вам также приятно, что в доме есть кто-то, кто заботится о ваших детях, готовит вам еду. Вы зависите от нее, она отдала вам свое тепло, свои чувства, она поддерживает вас, создает определенное ощущение надежности, благополучия. Но вот она отворачивается от вас, вы ей надоели, или она уходит к другому, и все ваше эмоциональное равновесие нарушено, и это нарушение, которое вам неприятно, называется ревностью. Здесь присутствует боль, тревога, ненависть и истовство; вы говорите: <Пока ты принадлежишь мне, я тебя люблю, но как только ты отворачиваешься, я начинаю тебя ненавидеть. Пока я могу быть уверен, что ты будешь удовлетворять меня, мои требования - сексуальные и другие, - я тебя люблю, но как только ты перестаешь удовлетворять мои желания, я перестаю тебя любить>. Итак, между вами возникает вражда, вы расходитесь, и когда вы не вместе, любви нет. Но если вы можете жить с вашей женой без того, чтобы мысль создавала все эти противоречивые состояния, без этих нескончаемых раздоров, тогда, возможно, - возможно, - вы узнаете, что такое любовь. Тогда вы будете полностью свободны, и она также. В то же время, если вы зависите от нее во всех ваших удовольствиях, вы ее раб. Поэтому, когда любишь, должна быть свобода не только от другого, но также от самого себя.

Когда принадлежишь другому, когда другой психологически тебя поддерживает, когда зависишь от другого, это неизбежно приносит тревогу, страх, ревность, чувство вины, а пока существует страх, любви нет; ум, угнетаемый страданием, никогда не узнает, что такое любовь. Сентиментальность и эмоциональность не имеют ничем общего с любовью. Итак, любовь не имеет ничего общего с наслаждением и желанием.

Любовь - не продукт мысли, которая есть прошлое. Мысль не способна культивировать любовь. Любовь нельзя связать, ее нельзя удержать ревностью, потому что ревность - это прошлое. Любовь - всегда активное настоящее. Это не <я полюблю>, или <я полюбил>. Если вы познали любовь, вы ни за кем

не будете следовать. Любовь не подчиняется. Когда вы любите, нет таких категорий, как уважение или неуважение.

Знаете ли вы, что значит любить кого-то, любить без ненависти, без ревности, без раздражения, без желания вмешиваться в то, что другой делает или думает, без осуждения, без сравнения, знаете ли вы, что это значит? Когда есть любовь, можем ли мы сравнивать? Если вы любите кого-то всем вашим сердцем, всем умом, всем телом, всем вашим существом, будете ли вы сравнивать? Когда вы полностью отдаете себя этой любви, ничего другого не существует.

Включает ли в себя любовь ответственность и долг, нуждается ли она вообще в этих словах? Когда человек нарушает долг, есть ли тогда любовь? В долге любви нет. Структура долга, в плену которой человек находится, губит его. Пока вы вынуждены делать что-то, потому что так велит вам долг, вы не любите то, что вы делаете. Когда есть любовь, нет ни долга, ни ответственности.

... Таким образом, когда вы спрашиваете, что такое любовь, весьма возможно, что вы боитесь получить ответ. Он может произвести в вас полный переворот, он может разрушить вашу семью, вы можете обнаружить, что не любите свою жену, мужа или детей. Любите ли вы их? Вам, может быть, придется в щепки разрушить дом, который вы построили, и может случиться, что вы никогда уже больше не войдете в храм.

Но если все же вы хотите это выяснить, вы увидите, что страх - это не любовь, зависимость - не любовь, ревность - не любовь, обладание, господство - не любовь, ответственность и долг - не любовь, жалость к себе - не любовь, отчаяние от того, что вас не любят, - не любовь. Любовь не есть противоположность ненависти, так же как скромность не есть противоположность тщеславию. Итак, если вы можете устранить все это, не прибегая к усилию, не смыв все это, как дождь смывает с листьев пыль многих дней, тогда, быть может, случайно вам встретится этот необыкновенный цветок, которого всегда искал человек.

...Любовь - это нечто новое, свежее, живое. У нее нет вчерашнего и нет завтрашнего дня, она выше суеты мыслей. Лишь чистый ум знает, что такое любовь. И этот чистый ум может жить в мире, который не является чистым. Найти это удивительное нечто, которое человек в своих бесчисленных усилиях стремился приобрести через жертву, через поклонение, через отношение, через секс, через все формы удовольствия и страдания, возможно только когда мысль пришла к пониманию самой себя и, естественно, пришла к концу.

[7, с. 55-61].

Вопросы и задания

1. Какие позитивные стороны можно найти в крайнем нигилизме Кришнамурти по отношению к мысли? Что в его концепции мышления заслуживает критики?
2. В чем смысл медитации в трактовке Кришнамурти?
3. Почему восхождение к любви означает для Кришнамурти конец мысли?

Мухаммад Икбал (1877-1938) – мусульманский философ, поэт, религиозный реформатор и общественный деятель Индостана. Почитается как «духовный отец нации» в Пакистане и самый выдающийся подлинно мусульманский философ 20 века [11, с. 51]. Критическое переосмысление всего мусульманского мировоззрения и обоснование коренного реформирования традиционного общества при ключевой роли в этом процессе человека – в этом пафос учения Икбала. Его религиозно-философские взгляды представле-

ны в книге «Реконструкция религиозной мысли в исламе» [4], из которой нами предлагаются фрагменты одной из его лекций.

Философское знание и религиозный опыт

... Дух философии — это дух свободного исследования. Она подвергает сомнению всякий авторитет. Ее функция состоит в выявлении некритических предположений человеческой мысли в самых затаенных местах, и в этом своем поиске она может в конечном счете прийти к отрицанию, а также к откровенному признанию неспособности чистого разума постигнуть Конечную Реальность.

... Философия несомненно обладает правом судить религию, но то, что должно подлежать суждению, имеет такую природу, которая не поддается юрисдикции философии иначе как на своих собственных условиях. Критикуя религию, философия не может оставлять религии подчиненное место. Религия не есть какое-то ведомственное дело, она не является ни просто мыслью, ни просто чувством, ни просто действием; она есть само выражение человека в целом. Таким образом, при оценке религии философия должна признать ее центральное положение, поскольку нет другой альтернативы, кроме как считать религию чем-то фокусным в процессе рефлексивного синтеза. Нет также никакого резона предполагать, что мысль и интуиция существенно противостоят друг другу. Они происходят из одного и того же корня, дополняя друг друга. Одна схватывает Реальность по частям, другая — в ее целостности. Одна фиксирует внимание на вечном, другая — на временном аспекте Реальности. Одна представляет пользование целой Реальностью; другая ставит задачу преодоления целого посредством медленной спецификации и закрытия различных отделов целого для эксклюзивного наблюдения. Обе нуждаются во взаимном омоложении. Обе ищут видения одной и той же Реальности, которая открывает им себя в соответствии с их функциями в жизни. Фактически, как правильно сказал Бергсон, интуиция — это только более высокого рода интеллект.

... Нет сомнения в том, что использование религиозного опыта как источника Божественного знания исторически предшествовало использованию других областей человеческого опыта с той же целью. Коран, признающий эмпирический подход в качестве обязательной стадии в духовной жизни человечества, придает равное значение всем сферам человеческого опыта, как дающим знание о конечной Реальности, которая раскрывает свои символы и изнутри, и извне.

Один из косвенных способов установления связей с реальностью, которая противостоит нам, есть рефлексивное наблюдение и контроль над ее символами так, как они сами открывают себя чувству-восприятию; другой способ — прямая ассоциация с той реальностью, которая раскрывает себя изнутри.

...Современная психология только недавно стала понимать важность тщательного изучения содержания мистического сознания, и мы еще не обладаем действительно эффективным научным методом анализа содержания нерациональных видов сознания. Время, которым я располагаю, не позволит обстоятельно рассмотреть историю и различные уровни мистического сознания с точки зрения их богатства и яркости. Все, что я могу сделать, это предложить несколько общих замечаний, касающихся только основных особенностей мистического опыта.

Первое, что необходимо отметить, — непосредственность такого опыта. В этом отношении он не отличается от других уровней человеческого опыта, которые представляют данные для знания. Всякий опыт непосредствен. Подобно тому, как сферы нормального опыта являются предметом интерпретации чувственных данных для нашего знания о внешнем мире, область мистического опыта представляет собой предмет интерпретации для знания о Боге. Непосредственность мистического опыта просто означает, что мы знаем Бога точно так же, как мы знаем другие объекты. Бог не есть математическая сущность или система концепций, связанных между собой и не имеющих отношения к опыту.

Второе — неподдающаяся анализу целостность мистического опыта. Когда я узнаю по опыту стоящий передо мной стол, бесчисленные данные опыта сливаются в единичный опыт о столе. Из этого богатства данных я выбираю те, которые соответствуют определенному порядку пространства и времени, и округляю их в отношении стола. В мистическом состоянии, каким бы ярким и богатым оно ни было, мысль сведена к минимуму, и подобный анализ невозможен. Но отличие мистического состояния от обычного рационального сознания не означает разрыва с нормальным сознанием, как ошибочно полагал профессор Уильям Джеймс. В обоих случаях на нас оказывает воздействие одна и та же Реальность. Обычное рациональное сознание, имея в виду нашу практическую потребность адаптации к окружающей среде, воспринимает Реальность по частям, последовательно выбирая для реакции отдельные наборы стимулов. Мистическое состояние приводит нас в контакт с целым потоком Реальности, в котором все различные стимулы взаимосвязаны друг с другом и образуют целостное, не поддающееся анализу единство, в котором не существует обычного различия между субъектом и объектом.

Третье — для мистика мистическое состояние есть момент интимной ассоциации с уникальным Другим «Я», трансцендентным, содержащим в себе и в то же время подавляющим частную индивидуальность субъекта опыта. Учитывая его содержание, мистическое состояние высокообъективно и не может рассматриваться как простой уход в туман чистой субъективности. Однако Вы спросите меня: как вообще возможно непосредственное переживание Бога как Независимого Другого «Я». Сам факт того, что мистическое состояние пассив-

но, не доказывает в конечном счете истинную «инаковость» испытываемого «Я». Этот вопрос возникает в уме, поскольку мы предполагаем, что наше знание внешнего мира, полученное посредством чувственного восприятия, является универсальным типом знания. Если бы это было именно так, мы бы никогда не могли быть уверены относительно реальности собственного «я».

... Четвертое — поскольку качество мистического опыта должно быть испытано непосредственно, очевидно, что он не может быть передан. Мистические состояния напоминают больше чувство, чем мысль. Интерпретация, которой мистик или Пророк наделяет содержание своего религиозного сознания, может быть передана другим в форме пропозиций, но само содержание таким образом не может быть передано.

... Непередаваемость мистического опыта вызвана тем, что он, по существу, является делом неартикулируемого чувства, которое не затрагивается дискурсивным интеллектом. Следует, однако, отметить, что мистическое чувство, как любое другое, обладает также и когнитивным элементом. Именно благодаря этому когнитивному элементу, как я полагаю, оно приспособливается к форме идеи. Действительно, природа чувства — в стремлении выразиться в мысли. Кажется, что они — чувство и идея — представляют соответственно вневременной и временной аспекты одной и той же единицы внутреннего опыта.

... Пятое — интимная ассоциация мистика с вечным, которая дает ему ощущение нереальности последовательного времени, не означает полного разрыва с таковым. Мистическое состояние, с точки зрения его уникальности, остается некоторым образом связанным и с обычным опытом. Это очевидно из того факта, что мистическое состояние вскоре исчезает, хотя после своего исчезновения оно оставляет глубокое чувство авторитетности.

... Для цели познания, следовательно, область мистического опыта столь же реальна, как и другая любая область человеческого опыта, и она не должна игнорироваться просто потому, что не может быть прослежена обратно к чувственному восприятию. Невозможно уничтожить и духовную ценность мистического состояния, отмечая органические условия, которые возникают для его определения. Даже если считать верным постулат современной психологии относительно взаимоотношения тела и разума, было бы алогичным дискредитировать ценность мистического состояния как откровения истины.

... Я не отрицаю, что существуют религии и формы искусства, которые обеспечивают в каком-то смысле трусливое бегство от фактов жизни. Но я утверждаю, что это не является правдой в отношении всех религий. Несомненно, религиозные верования и догмы имеют метафизическое значение; но очевидно также, что они — не интерпретации тех опытных данных, которые представляют собой предмет естественных наук. Религия — это не физика или химия, которые стремятся объяснить природу в терминах причинности; она, действительно, нацелена на объяснение совершенно иной области человеческого опыта — религиозного, данные которого не могут быть сведены к данным какой-либо науки. На самом деле следует сказать, проявляя справедливость в отношении к религии, что она настаивала на необходимости конкретного опыта в религиоз-

ной жизни задолго до того, как это научилась делать наука. Конфликт между наукой и религией возникает не из-за того, что первая основывается на конкретном опыте, а вторая — нет. Обе ищут в конкретном опыте отправную точку. Их конфликт вызван заблуждением относительно того, что будто бы они обе объясняют одни и те же опытные данные. Здесь забывается, что религия ставит задачу передать реальное значение особой разновидности человеческого опыта.

...Предшествующее обсуждение тем не менее вызывает в вашем уме важный вопрос. Религиозный опыт, как я уже пытался утверждать, есть, по существу, состояние чувства с когнитивным аспектом, содержание которого не может быть передано другим иначе как в форме суждения. Когда суждение, которое претендует быть интерпретацией определенной сферы недоступного мне человеческого опыта, ставится передо мной для того, чтобы я согласился с ним, — имею ли я право спросить, в чем гарантия его истинности? Владеем ли мы проверкой, которая бы раскрыла его ценность? Если бы личный опыт был единственным основанием для принятия суждения такого рода, религия была бы уделом лишь немногих индивидуумов. К счастью, мы владеем проверками, которые не отличаются от тех, которые применяются к другим формам познания. Я называю это интеллектуальным и прагматическим тестом. Под интеллектуальным тестом я имею в виду критическую интерпретацию без каких-либо предварительных предпосылок человеческого опыта, которая нацелена на выяснение, ведет ли наша интерпретация в конечном счете к реальности того же характера, что открывается в религиозном опыте. Прагматический тест оценивает суждение по его плодам.

[4, с. 25-46].

Задания

1. Как связаны философия и мистический опыт в учении Икбала?
2. В чем специфика и значение мистического опыта как особой разновидности человеческого опыта?

Библиографический список

1. *Абаев, Н. В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. Новосибирск, 1989.
2. *Бхагаватгита* / Введение, пер. с санскрита и коммент. Б.Л. Смирнова. СПб, 1994.
3. *Вивекананда, С.* Философия йога / С. Вивекананда. Магнитогорск, 1992.
4. *Икбал М.* Реконструкция религиозной мысли в исламе / М. Икбал. М., 2002.
5. *Ишервуд, К.* Рамакришна и его ученики / К. Ишервуд. М., 1997.
6. *История философии* Учебник для вузов. Ростов-на-Дону, 1999.
7. *Кришнамурти, Дж.* Свобода от известного / Дж. Кришнамурти. К., 1991.
8. *Латьенс, М.* Жизнь и смерть Кришнамурити / М. Латьенс. М., 1993.
9. *Литман, А. Д.* Современная индийская философия / А. Д. Литман. М., 1985.
10. *Судзуки, Д. Т.* Основы дзэн-буддизма / Д. Т. Судзуки // Буддизм. Четыре благородные истины. М., Харьков, 1999.
11. *Степанянц, М. Т.* Проблема универсалий в дискурсе философов Востока XX века. / М. Т. Степанянц // Универсалии восточных культур. М., 2001.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Введение</u>	3
<i>С. Вивекананда</i>	
<u>Идеал Карма-йога</u>	4
<u>Треугольник любви</u>	7
<i>Д.Т. Судзуки</i>	
<u>Восточный образ мысли</u>	10
<u>Вопрошание и просветление</u>	13
<i>Д. Кришнамурти</i>	
<u>Что такое мышление?</u>	20
<u>Медитация</u>	23
<u>Любовь</u>	25
<i>М. Икбал</i>	
<u>Философское знание и религиозный опыт</u>	30
<u>Библиографический список</u>	34

Учебное электронное текстовое издание

Джинджолия Беслан Иродионович

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX–XX ВЕКОВ

Редактор *К. Б. Позднякова*
Компьютерная верстка *Б. И. Джинджолия*

Рекомендовано РИС ГОУ ВПО УГТУ-УПИ
Разрешен к публикации 10.02.06.
Электронный формат – DOC
Формат 60x90 1/8 Объем 2,2 уч.-изд. л.

Издательство ГОУ-ВПО УГТУ-УПИ
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: sh@uchdep.ustu.ru

Информационный портал
ГОУ ВПО УГТУ-УПИ
<http://www.ustu.ru>